

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ КОНТАКТЫ В ОПИСАНИИ РУССКИХ ПОСОЛЬСКИХ ПОВЕСТЕЙ

(на материале «Посольства Ивана Новосильцева
в Турцию»)

В аспекте русско-тюркских контактов XV–XVII веков и их отражения в древнерусской литературе следует рассмотреть такие известные образцы жанра посольской повести, как «Хождение Трифона Коробейникова в Царьград» и «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию».

Особое значение имеет «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию», по стилю и манере повествования напоминающее летописные своды предыдущих столетий. В XIV–XV веках оно могло быть включенным в летописи и представляться летописным материалом. Ценность данного историко-литературного источника заключается еще и в том, что он воспринимается как дружелюбное посольство между странами, не имеющими к тому времени враждебных отношений, но интересующимися военно-политическими проблемами соседнего государства, потенциального соперника или союзника. Русский посол заявляет, что государь послал его «для своего государева дела в Царьгород к брату своему к Селим-салтану» (1), Маамет-паша же подчеркивает благородство и доброту русского царя: «государь ваш иноземцев жалует, а государь ваш великой, и он делает все доброе, как ему бог велел» (1, 200). В действительности посольство Ивана Новосильцева было направлено на разрешение серьезных проблем. Московская Русь, подвергавшаяся внезапным набегам со стороны Крымского ханства, предпочитала заверить Османскую Турцию в своей дружбе: «А ныне, господине, меж государей чаем

добра и любви», получив взамен ответ: «а государь наш того хочет жа» (1, 194). Турки, занятые войнами в Европе, были неравнодушны к ситуации в бывших землях Золотой Орды, ныне подвластных русскому царю. На вопрос Касим-бега про нагайских мурз и об их отношении к государю Иван Новосильцев отвечал следующим образом: «Нагайской Тинехмат князь и мурзы все государю нашему послушны — куды им государь велит на свое дело идти, и нагайские люди на государеву службу ходят, а государь Тинехмата князя мирз жалует и от недругов их обороняет — приходил на них недруг их Ак-Назар, царь Казацкие орды, со многими людьми, и нагайские люди с государя нашего людьми казатцких людей побили и царевича не одного убили» (1, 194). Русский посол верно изложил политику царя по отношению к мусульманской части населения, которая, прежде всего, отвечала политическим интересам Московского государства: «в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит — всякой иноземец в своей вере живет» (1, 200).

Взаимодоговоренность сторон должна была избавить людей от многих проблем. Маамет-паша и Иван Новосильцев договариваются о беспрепятственном передвижении паломников и купцов из одной страны в другую: «да только б, господине, велел вперед бухарцев и шамохейцев пропускати из Асторохани к осподню гробу молитись по нашей вере, да и письмо, господине, о том нашего государя к вашему государю будет, а государь наш того хочет, чтоб с вашим государем меж их ссылка и добро было, и гости б ходили, как было наперед сего, а у нашего государя всякому же иноземцу не запрещено во Царьгород ходити, а мы деи того хотим, чтоб меж государей добро было» (1, 200).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» — это не только рассказ о деятельности русского посла в период его пребывания в Турции. Это объемная историческая повесть о самых противоречивых ситуациях и актуальных проблемах военно-политической жизни как Московской Руси и Османской Турции, так и целого ряда государств. Повествование о дипломатической миссии Ивана Новосильцева включает в себя эпизоды, рассказывающие об усилиях московского царя и турецкого султана по обузданию казаков и крымцев, чьи набеги и вылазки не всегда отвечали по-

литическим интересам сторон. В обязанности русского посла входило предотвращение астраханского похода крымского хана, опирающегося на турецкого султана, обеспечение безопасности путей русских купцов и паломников и, конечно, вручение царской грамоты лично самому султану. Весьма активно выступают турецкие послы Айдар, Касим и Маамет-паша, которые от имени султана требуют разумных объяснений того или иного не удовлетворяющего турок действия московского царя. Айдар, азовский санчакбек, причину астраханского похода объясняет тем, что «ходят ис Кизылбаша гости в Асторохань торговати, а нашему дей государю Кизылбашской великой недруг» (1, 192). Русский посол очень убедителен в своих ответах, что соответствует политике его государства на Востоке: «Всяким, господине, иноземцом в нашего государя, царя и великого князя, землю не запрещено с торгом ходити» (1, 192).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию», как и «Хождение купца Федота Котова в Персию», большое место отводит турецко-кызылбашским отношениям. Увлечателен рассказ русского посла о «Баязы-салтане», который будто бы хотел убить отца и сесть на царство. Когда раскрылись планы сына султана, он приютился у кызылбашского шаха, которому было обещано возвращение захваченных Турцией земель. Если в «Хождении купца Федота Котова в Персию» подробно освещались отдельные лица свиты шаха, дворцовая жизнь, то в «Посольстве Ивана Новосильцева в Турцию» большое внимание уделялось описанию сыновей и дочерей турецкого султана, вопросу о политической роли отдельных пашей, об административной системе страны, а также о взаимоотношениях турецкого султана и крымского хана. Иван Новосильцев, столкнувшись с крымскими татарами в Кафе, убедился, что они не всегда единодушны с турецким султаном и могут повредить торговым, военно-политическим и дипломатическим связям Московской Руси и Османской Турции.

В тематическом плане путевые записи Ивана Новосильцева созвучны с «Повестью о взятии Царьграда турками», с «Казанской историей», с «Исторической», «Поэтической» и «Сказочной» повестями об Азове, в которых взятие городов и крепостей христианами или мусульманами оценивалось как божья воля. Сам «турской салтан», признавший, что «московской дей государь

силен ратью своею, и мне деи с ним не за что воеватца, а у меня деи он не взял ни одного города», считает, что «Астрахань ... Московскому бог дал» (1, 204). В другом посольстве, «Хожении Трифона Коробейникова в Царьград», осуществленном по повелению Ивана Грозного в 1582–1584 годах, автор, затрагивая тему взятия Царьграда — «И божиим повелением за грех рода человека приидоша турки под град и по повелению божию тот образ архангелов мощию от столпа подняся на небо, видом бысть всему народу, турки же, видевше отступление божие, взяша град, и ныне в нем царствуют...» (2), воздерживается от обвинительного тона в адрес турецкого султана, которому «за храм и за службу патриарх дает великий откуп з году на год золотыми» (2, 30).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» в художественном отношении сближается с историческими повествованиями и воинскими повестями XV–XVII веков, обнаруживающими тюркскую тему. Официально-деловой язык посланий государей, простая и непринужденная речь русского и турецких послов, многочисленные эпизоды и диалоги с участием крымских и государевых татар, употребление тюркизмов, и конечно, перечисление вооружения готовящихся к взятию Астрахани крымцев и турок, включение в текст хождения дополнительного рассказа, неоднократные упоминания и повторы о захвате города путем подкопов ставит путевые записи русского посла в один ряд с выдающимися образцами как жанров хождения и посольской повести, так и исторических и воинских произведений. Только «Сказание о Магмет-салтане» по насыщенности информации об Османской Турции и правдивости создания образов турецкого султана и его пашей может сравниться с повестью Ивана Новосильцева. В переписке с великим князем и в общении с русским послом турецкий султан и его паши изображены как очень толковые и трезвые политики, осторожные в своих оценках и эмоциях. То же самое характерно для образов великого князя и его посла. На наш взгляд, данная характеристика русских и турецких политиков соответствует исторической правде, заключающейся в том, что многовековые конфликты и религиозное противостояние русских и турок вплоть до начала XVII века не приводили к войне и разрыву торговых сообщений между двумя великими империями благодаря усилиям этих исторических личностей. Описание

путей из Москвы и других русских городов в Турцию, а также торговых и религиозных центров Востока, рассмотрение авторами самых различных вопросов жизни простых людей, изучение ими местных условий мотивируются не только военно-политическими проблемами, но и писательским интересом к увиденному, а в большинстве случаев — и новизной объекта и предмета изображения.

Интересно, что близкие по времени написания и содержанию к посольской повести Ивана Новосильцева древнерусские произведения («Историческая», «Поэтическая», «Сказочная» повести, «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками», «Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном») заметно расходятся с ней в описании и оценке турок. Такое расхождение объясняется разным служебным положением сочинителей сравниваемых произведений и разными условиями их создания. В написанных в казачьей среде и навеянных местным фольклорным материалом повестях, при изобретательности авторов, богатстве их языка и насыщенности текстов просторечиями отсутствовали присущие светским хождениям документализм повествования и достоверность фактов.

Следует отметить, что торговые и дипломатические поездки русских людей на Восток или приезд купцов и послов из Турции, Крыма, Персии, Азербайджана, Средней Азии и Золотой Орды в русские города ознаменовались не только появлением путевых очерков, хождений и посольских повестей, но и взаимопроникновением фольклора и литературы соседних стран и народов. Безусловно, были и другие пути проникновения восточных тем в литературу Древней Руси. Не отрицая значения других языков и литератур в обогащении древнерусских произведений восточными мотивами, необходимо подчеркнуть существенную посредническую роль тюркских литератур. Широкая известность одного из русских произведений на восточную тему, «Повести о Еруслане Лазаревиче», чаще всего обосновывается популярностью героя Фирдоуси Рустама в казачьей среде, а также среди крымских татар. «Уруслан совершенно непереносим в обычном человеческом быту (...) не "помещается" в пространственных пределах обыденного мира. Его место в необычном, сказочном, красочном "чистом поле", где стоят прелестные шатры (...) ска-

чтукрашенные кони (...) встречаются невиданные существа» (3). Такой герой-богатырь вполне импонировал бы составителям «Поэтической» и «Сказочной» повестей об Азове, с помощью которых сюжет поэмы Фирдоуси мог попасть в Центральную Русь. На наш взгляд, не последнюю роль в проникновении восточных, в частности тюрко-татарских сказаний, в древнерусскую литературу сыграли авторы хождений и посольских повестей. Тот же Иван Новосильцев в течение своего долгого пребывания среди крымских и астраханских татар, ногайских мурз, наверняка, имел возможность ознакомиться с устными сказаниями местного населения. Не случайно в двух притчах, входивших в «Повесть о разуме человеческом», создан положительный образ «некоего царя именем Сламгирей». Известные под названиями «От книг бытей татарских о разуме человеческом» и «Иная притча о том же царе» (4) сюжеты, продолжая традицию «Сказания о Магмет-салтане», изображают образ жестокого, но справедливого татарского царя, рядом с которым находится его близкий и доверенный человек — Алтын—Золотое Слово. Образ мудрого человека и советника, который так импонирует самим русским посланникам, — «Видишь, разумей, каков человеческий разум. Разумной человек не одну душу свою спасет, но и людцкия многия» (4, 327), — имел для русской литературы XVI—XVII веков символическое значение. Как и татарский царь, великий московский князь нуждался в советах и сообщениях, необходимых для нормального улаживания дел с соседями, что позволило бы русскому государству наладить торгово-экономические, военно-политические и культурные отношения с ними.

Целостный анализ образцов жанров хождения, путевых очерков и посольских повестей выявил художественное и идейно-тематическое своеобразие данных произведений. Основные отличительные свойства этих литературных памятников Древней Руси были продиктованы острейшей необходимостью их создания в эпоху расширения и укрепления Московского царства и потребностью в них официальных властей, а также простого русского человека, которым так нужна была преподносимая ими историко-литературная информация о тюркском мире, о Востоке.

На наш взгляд, «хождения» Афанасия Никитина и Федота Котова, путевые очерки Ивана Новосильцева и другие образцы этих жанров послужили своеобразным стержнем развития и обогащения языка, стиля и поэтики литературы Древней Руси, принося в нее новые темы, мотивы, сюжеты и образы, оригинальное применение ориентальной лексики и, главное, совершенно иное отношение к тюркской тематике, положительный взгляд на восточный мир и на восточного человека.

В этих жанрах древнерусской литературы был впервые реально представлен Азербайджан, действительность и реалии азербайджанской жизни и этнокультуры. Интерес древнерусских купцов-путешественников и послов к азербайджанской (сефевидской) истории, торговым путям, ведущим из Дербента, Шемахи, Баку, Тебриза и Ардабиля в Турцию, Индию, Персию и другие страны — доказательство тому, какое значение придавала Московская Русь торговым и дипломатическим связям с Азербайджаном. Обнаруженные в сборниках «Книга Большому Чертежу» и «Космография» сведения географического и исторического содержания свидетельствуют об огромном значении представленной в них информации для русского государства, осваивающего все новые и новые регионы и земли. В собирании и донесении этой информации, составлении подобных сборников не последнюю роль сыграли авторы хождений, путевых очерков и посольских повестей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI—XVII веков, М.: Сов. Россия, 1988. С. 192.

2. Хождение Трифона Коробейникова в Царьград // Записки русских путешественников XVI—XVII веков. С. 30—31.

3. Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 649.

4. Скрыть М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. // ТОДРЛ. Т. 6. Изд-во АН СССР, 1948. С. 324—327.